

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ДАТИРОВКИ ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА

Анализируются подходы различных исследовательских направлений фольклористики к вопросу исторической датировки фольклорных данных. Кроме того, автором был рассмотрен опыт соотнесения фольклорного материала с исторической хронологией, проводимый историками: этнографами, работающими с фольклором некоторых сибирских аборигенных этносов, а также археологами (Ю.Е. Берёзкиным). В ходе проведенного исследования было выявлено, что вопрос точной датировки фольклорных данных остается нерешенным и «привязка» фольклорного материала к исторической хронологии проходит весьма условно.

Ключевые слова: фольклор; историческая хронология; школы фольклористики; методы датировки.

Важнейшим этапом любых исторических исследований является установка хронологических рамок исследуемых процессов и конкретных временных ориентиров для изучаемых событий. Фольклорный материал всегда характеризовался тем, что был неподатлив (или слабо податлив) к попыткам привязать его к исторической хронологии. Это снижало уровень доверия к фольклору как к источнику исторической информации.

При попытках датировать фольклорный материал исследователи, как правило, понимают, что они должны различать два момента: 1) датировка самого фольклорного произведения (время его создания) и 2) датировка событий, в нем упомянутых, так как нередко в фольклоре излагаются «давно прошедшие» события (и повествуется о них именно в прошедшем времени). Существует еще одна оппозиция: время записи текстов на определенный сюжет и время их распространения. Теоретически есть и третья оппозиция: время широкого распространения определенных эпизодов и образов и время их первоначального формирования. Однако на данный момент развития науки о времени первоначального формирования фольклорных эпизодов и образов сказать что-либо определенное практически невозможно. Однако на практике эти моменты разделить сложно, и часто для исследователей они сливаются воедино.

Первым вопросом занимаются филологи, и путем сложных исследовательских процедур, включая текстологический анализ, им иногда удается если не решать его, то хотя бы выдвигать согласованные версии. Так, например, относительно времени создания якутского олонхо фольклористы И.В. Пухов и Г.У. Эргис, изучив языковые «факты» данного эпоса – топонимы, эпонимы, этнонимы и др. и наборы мотивов, сделали следующий вывод: «Вероятно, олонхо создавалось еще в тот период, когда предки якутов сохраняли в своей памяти враждебные отношения с древними тюрками в VI–VII в. <...> Мотивы... показывают исторически обозримый “потолок” создания олонхо – конец VI – начало VII в. Вполне вероятно, что якутский героический эпос возник где-то между этими историческими периодами» [1. С. 558–559].

Относительно второго пункта было выработано несколько подходов к датированию фольклорного материала:

1. *Оценка исследователем содержания фольклорных текстов.* Данный метод полностью зависит от

исторической эрудиции исследователя: он сам подбирает исторический материал, с которым сопоставляет тексты фольклорных произведений.

Таким методом пользовались еще в XIX в. приверженцы европейской «исторической» фольклорной школы, выдвинувшие тезис об исторической достоверности эпоса. В этой связи исследователи «исторической» школы сопоставляли эпос с документальными источниками, обнаруживая прямые взаимосвязи событий и персонажей в фольклоре с историческими событиями и реальными историческими лицами [2. С. 6–7].

Критикуя этот метод применительно к изучению эпических произведений, в отечественных исследованиях его использовали при исследовании исторических преданий, в том числе и на материале исторических преданий сибирских аборигенных этносов. По обобщенным оценкам был получен вывод, что, как правило, фольклорный материал содержательной части исторических преданий характеризует прошлую, но относительно неглубокую по удаленности от современной действительности, эпоху (по оценкам исследователей, от 1–2 до 3–4 столетий). Так, Г.М. Васильевич считала на основании соотнесения текстов эвенкийских исторических преданий с известными историческими документами, что подавляющее число этих преданий может быть датировано XVII–XVIII вв. [3. С. 151]. А.Н. Варламов, вслед за Г.М. Васильевич, полагал, что содержание многих исторических преданий эвенков «четко соотносится со сведениями документальных источников позднего Средневековья»; «в основном улгурсы отразили жизнь эвенкийских родов в XVI–XIX вв.» [4. С. 113].

По оценке этнографа Л.И. Шерстовой, исторические предания и легенды алтайцев (алтай-кижи), особенно повлиявшие на оформление бурханизма как национальной религии, «корнями своими уходят в джунгарский период алтайской истории»; из их текстов можно получить некоторые сведения относительно реальных исторических событий середины XVIII в. [5. С. 191].

2. *Поиск датирующих маркеров.* Важным датирующим фактором выступают, как правило, яркие события, отразившиеся как в фольклорном произведении, так и в исторических документах. Таковыми обычно выступают известные войны, судьбоносные битвы, восстания, а также особо значимые природные явления (катализмы): затмения, наводнения, смертоносные бури или засухи.

Однако есть несколько уязвимых мест:

1) *Документация*. Как правило, в фольклорных текстах отражены те события, которые не часто отражены в летописях или других документах (или не были отмечены, или такие документы не сохранились до наших дней).

2) «Художественное преломление». Событие в фольклорном тексте может быть до неузнаваемости видоизменено, и исследователи могут только строить догадки, с каким реальным событием его соотносить.

3) Кроме того, сами исторические документы прошлого сильно нуждаются в верификации (многие хроники / летописи скорее можно назвать «сборниками фольклора», чем собранием достоверных сведений).

4) Особый датирующий (верифицирующий) маркёр – *упоминание этнонимов в тексте* и, соответственно, наличие в текстах сведений о народах, контакты с которыми можно продатировать по историческим источникам. Так, Б.О. Долгих писал, что нганасанские предания «О большом ненце-юраке» и «Братья Дяримо» посвящены нганасано-ненецким столкновениям, но трудно поддаются датировке, хотя, судя по тому, что в них упоминаются русские и долганы, вероятно, они окончательно оформились уже в XVIII в.» [6. С. 27].

Помимо исследований этнонимики сибирских народов, осуществленных Б.О. Долгих, широко известен также опыт В.И. Васильева, который по упомянутым в фольклоре и в исторических документах этнонимам предпринял попытку реконструировать этническую историю самодийцев [7. С. 133–175]. Им была проделана огромная работа по сбору полевых сведений (прежде всего, родовых исторических преданий, т.е. фольклорной по своей сути информации), которые он соотносил с архивными материалами.

Несмотря на то что в целом такие исследования признаны относительно удачными, тем не менее, известны также и скептические оценки архаичности задокументированных этнонимов и использования их в качестве датирующего материала. Так, лингвист Е.А. Хелимский писал: «Б.О. Долгих и особенно В.И. Васильев, придавая этнонимике первостепенное значение в решении вопросов этногенеза самодийцев, в некоторых случаях чрезмерно, на наш взгляд, преувеличивают архаичность родовых названий. Для их работ характерно стремление отыскать параллели этнонимов в этнонимическом же материале (по другим народам) и обосновать тем самым этнические связи глубокой древности. Однако анализ всей совокупности родовых названий показывает, что у северных самодийцев подавляющее большинство родовых наименований имеет прозрачную этимологию, не идущую далее нарицательной лексики соответствующего языка» [8. С. 85]. И далее: «По чисто демографическим причинам (малая численность отдельных родов; высокая рождаемость и высокая смертность; частые случаи гибели целых коллективов при эпидемиях и войнах) неизбежно происходило сравнительно быстрое обновление этой части этнонимии ввиду исчезновения одних и дроблению других родов. Например, из 24 названий родов тундровых энцев, известных по ясачным книгам 1607 г. [9. С. 138], до нашего

времени дошли лишь четыре (в том числе два – только как названия ненецких родов). В этой ситуации непрерывная преемственность какого-то родового названия на протяжении 1–2 тыс. лет хотя и не исключена, но маловероятна» [8. С. 85].

3. *Датировка по хронологии фиксации сюжета*. При таком методе исследования, активно использовавшимся начиная с XIX в. (особенно в рамках мифологического и миграционистского подхода к изучению фольклорных произведений), тексты сравниваются друг с другом, и если известно время фиксации одного сюжета, то выводы относительно другого строятся по принципу «раньше / позже». Так, критикуя данный подход к фольклорному материалу, характерный, прежде всего, для миграционистского направления в фольклористике, Б.Н. Путилов отмечал: «Миграционисты знают только один характер связей – линейный, при котором всякое произведение рассматривается как зависимое от сходного с ним, но появившееся хронологически ранее. С такой точки зрения любой античный сюжет будет считаться первичным по отношению к сходному славянскому сюжету» [10. С. 55–56].

4. *Стадиальный метод хронологии, разработанный в рамках сравнительно-типологического подхода к фольклорному материалу*. В фольклористике при исследовании эпических произведений принято деление на архаический (догосударственный) и героический (государственный) эпосы. Такой подход напрямую связан со «стадиальным» членением исторического процесса и увязыванием фольклорного процесса с прохождением этносом определенных «стадий» в своём развитии. Поэтому с точки зрения сравнительно-типологического изучения фольклора: во-первых, любые факты заимствования не должны постулироваться, но всякий раз их необходимо доказывать; во-вторых, сюжет, записанный в XX в., может оказаться историко-типологически древнее сюжета, известного с античных времен, так как отражает более раннюю стадию развития фольклорного (эпического) творчества [Там же. С. 56]. «Поэтому нет ничего удивительного в том, что, например, русская сказка о муже, попадающем на свадьбу своей жены, записанная в XX в. на Севере, оказывается древнее (историко-типологически) сюжета «Одиссеи» и довольно хорошо этот сюжет объясняет» [Там же. С. 56].

5. *Метод датировки на основе анализа конфигураций ареалов распространения фольклорных мотивов*. Исходя из тезиса, что «фольклорные тексты не придумывают – их пересказывают», т.е. «всякий текст восходит к более раннему тексту, а тот – к еще более раннему, и цепочка эта, как и любая эволюционная цепочка, тянется в неопределенном далёком прошлом» [11. С. 11]. Ю.Е. Берёзкиным делается принципиальный вывод о том, что фольклорные произведения (точнее мотивы – образные и фабульные элементы фольклорных произведений (Ю.Е. Берёзкин понимает мотивы как некие «образные и фабульные элементы» фольклорных текстов, что не совпадает с «элементарными мотивами» С. Томпсона, с которыми обычно работают фольклористы) могут содержать информацию о весьма отдаленном прошлом человечества, ко-

торая заключена **не** в их содержании, а в «конфигурации ареалов», в пределах которых зафиксированы встречающиеся мотивы [11. С. 9]. Именно ареалы распространения мотивов, нанесенные на географическую карту, сравниваются с ареалами распространения языков (языковых семей), археологических культур и иными данными, которые гипотетически могли бы влиять на распространение определенных мотивов в пределах конкретных территорий, имеющими уже отработанную исследователями систему датировок. Тем самым выявляется явная связь данных фольклора с данными иных исторических явлений.

Ю.Е. Берёзкиным был сделан вывод, что существует корреляция мирового распределения определенных комплексов и тематических групп фольклорно-мифологических мотивов с распространением определенных популяций в различные эпохи: от выхода людей современного типа из Африки до миграций эпохи великого переселения народов. Так, например, выявляется корреляция между миграциями ранних сапиенсов, заселивших земное пространство двумя основными миграционными потоками, и распространением мирового фольклора. Первая волна сапиенсов, древностью 75–62 тыс. л.н., выйдя из Африки, достигла Юго-Восточной Азии и Австралии и существовала в этих регионах синхронно с европейскими неандертальцами; вторая волна африканских мигрантов, 38–24 тыс. л.н., распространилась также в Азии, но часть их расселилась и в северном направлении, продвинувшись из региона Передней Азии в приледниковую зону Европы, заняв ту территорию, на которой до них жили неандертальцы [11. С. 7–8]. В мировом наборе космологических и этиологических мотивов прослеживаются два основных комплекса – индо-тихоокеанский (аустраильский), отражающий, вероятно, в большей степени первую волну миграций, и континентально-евразийский (бoreальный), который с большой долей осторожности можно соотнести со вторым потоком [Там же. С. 8–9]. Таким образом, этногенетические и археологические данные позволяют привязывать фольклорный материал к исторической хронологии, соотнося маршруты и ареалы его

распространения с данными, прежде всего, археологии и популяционной генетики.

Вопрос надежности датировок «волн» распространения фольклора (фольклорных мотивов), а также периодов формирований различных фольклорных ареалов напрямую связан с надежностью датирующих признаков в самом археологическом материале. Единого алгоритма датирования фольклора в рамках ареального метода не существует – каждый случай является частным (особенным). Для того, чтобы соотносить фольклорные потоки с историческими миграциями человеческих популяций, для исследователя необходим глубокий археологический бэкграунд, являющийся базисом данного метода. Кроме того, по оценке автора ареального метода Ю.Е. Берёзкина, он имеет некоторые ограничения в применении: «Ареальный метод хорошо работает в континентальном и планетарном масштабе. Он работает также там, где наличие недавних далеких миграций людей с несомненно иной культурой не вызывает сомнений: приход на юг атапасков, на север – якутов, морские контакты Индии / Индонезии с Африкой, иранский субстрат на Украине, балтский и угрофинский в Белоруссии и у северных русских, миграции по Великой Степи. Однако ареальный метод практически не работает в пределах небольших ареалов, где обмен фольклором происходит постоянно, например, в пределах Кавказа или Центральной Европы» [Из письма Ю.Е. Берёзкина]. Соответственно, невозможно датировать процессы распространения фольклорных мотивов в этих ареалах.

В итоге в ходе проведенного исследования установлено, что, несмотря на сложности с выявлением исторически достоверного материала из текстов фольклорных произведений, тем не менее, никем из исследователей не оспаривается сама возможность фольклора быть носителем исторической информации и являться репрезентативным историческим источником. При этом вопрос установления точной датировки фольклорных данных остается нерешенным и, к сожалению, следует признать, что «привязка» фольклора к исторической хронологии происходит весьма условно.

ЛИТЕРАТУРА

- Пухов И.В., Эргис Г.У. Послесловие // Строптивый Кулун Куллустуур: Якутское олонхо. М. : Изд-во вост. лит., 1985. С. 544–578.
- Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков : автореф. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2011. 30 с.
- Василевич Г.М. Отражение межродовых войн в фольклоре эвенков // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972. С. 143–160.
- Варламов А.Н. Об историзме фольклора: по материалам фольклора эвенков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Филология. 2009. № 107. С. 112–119.
- Шерстова Л.И. Роль исторических преданий в формировании идеологии бурханизма // Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск, 2010. С. 191–208.
- Долгих Б.О. Введение // Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976. С. 7–35.
- Васильев В.И. К проблеме этногенеза северосамодийских народов // Социальная организация и культура народов Севера. М. : Наука, 1974. С. 133–175.
- Хелимский Е.А. Этимологические заметки по энецкой ономастике // Компаративистика, уралistica. Лекции и статьи. М., 2000. С. 82–93.
- Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. 268 с.
- Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л. : Наука, 1976. 244 с.
- Берёзкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб. : Наука, 2013. 320 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 мая 2018 г.

THE PROBLEM OF THE HISTORICAL DATING OF FOLKLORE MATERIAL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 178–181.

DOI: 10.17223/15617793/432/23

Natalia A. Tuchkova, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natatutschkova@yandex.ru

Keywords: folklore; historical chronology; schools of folklore studies; dating methods.

This article analyzes the approaches of various folklore research schools: supporters of the so-called “specific historicism”, followers of the migratory, mythological, comparative-typological theories, as well as of the new direction – areal folklore study developed by Yu.E. Berezkin. In particular, the author of the article considered the experience of folklore dating by historians (ethnologists) working with the folklore material of Siberian aboriginal ethnic groups: the Evenks, the Altaians, the Nganasans, etc. The researchers concluded that, as a rule, the folklore material of a substantial part of historical legends (namely, this genre of folklore is the most convenient for the correlation of folklore events with real historical facts) characterizes the past era which is not far from the modern reality (from 1–2 to 3–4 centuries). It was revealed that for dating based on the analysis of the specific historical content of the folklore texts, an important point is the search for dating markers, while mythological and migratory approaches for dating folklore works are based on the comparison of texts with each other: if one knows the time of the dating of the plot, conclusions about the other plots are based on the before/after principle. A comparative-typological approach denies a linear relationship of the plots and suggests that the plot, written in the twentieth century, can be more ancient from the historical-typological view point than the plot which is known from the earlier, for example, ancient times. The areal study of folklore suggests that folklore motives may contain information about the very distant past of the humankind. This information is not contained in the content of the motives, but in the “configuration of areas”, within which the observed motives are recorded. The comparison of the areas of the distribution of the motives put on the geographical map with the areas of the distribution of the languages (language families) and archaeological cultures allows to correlate them with migration routes of various groups of the population. However, the question of the reliability of the dating of the “waves” of the spread of folklore (folklore motives), as well as the periods of the formation of various folklore areas, is directly related to the reliability of the dating features in the archaeological material. As a result, in the course of the conducted research the author revealed that, despite various efforts, the question of exact dating of the folklore data remains unresolved, and the connection of folklore to historical chronology is rather hypothetical.

REFERENCES

1. Pukhov, I.V. & Ergis, G.U. (1985) Posleslovie [Afterword]. In: Timofeev-Teploukhov, I.G. *Stroptivyy Kulun Kullustuur: Yakutskoe oloncho* [Stubborn Kulun Kullustuur: Yakut Oloncho]. Moscow: Izd-vo vost. Lit.
2. Varlamov, A.N. (2011) *Spetsifika istorizma v fol'klore evenkov* [Specificity of historicism in the Evenk folklore]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yakutsk.
3. Vasilevich, G.M. (1972) Otrazhenie mezhdroyovykh voyn v fol'klore evenkov [Reflection of intergenerational wars in the Evenk folklore]. In: Putilov, B.N. (ed.) *Voprosy yazyka i fol'klora narodnostey Severa* [Questions of the language and folklore of the peoples of the North]. Yakutsk: Izd. JYAF SO AN SSSR.
4. Varlamov, A.N. (2009) Ob istorizme fol'klora: po materialam fol'klora evenkov [On the history of folklore: on the basis of the Evenk folklore materials]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. Filologiya*. 107. pp. 112–119.
5. Sherstova, L.I. (2010) Rol' istoricheskikh predaniy v formirovaniyi ideologii burkhanizma [The role of historical legends in the formation of the ideology of Burkhanism]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: the origins of ethnus and religion]. Tomsk: Tomsk State University, pp. 191–208.
6. Dolgikh, B.O. (1976) *Mifologicheskie skazki i istoricheskie predaniya nganasan* [Mythological tales and historical legends Nganasan]. Moscow: Nauka. pp. 7–35.
7. Vasil'ev, V.I. (1974) K probleme etnogeneza severosamoyidskikh narodov [To the problem of ethnogenesis of the North Samoyed peoples]. In: Gurvich, I.S. (ed.) *Sotsial'naya organizatsiya i kul'tura narodov Severa* [Social organization and culture of the peoples of the North]. Moscow: Nauka.
8. Khelimskiy, E.A. (2000) *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i* [Comparative studies, Ural studies. Lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 82–93.
9. Dolgikh, B.O. (1970) *Ocherki po etnicheskoy istorii nentsev i entsev* [Essays on ethnic history of the Nenets and Enets]. Moscow: Nauka.
10. Putilov, B.N. (1976) *Metodologiya sravnitel'nno-istoricheskogo izucheniya fol'klora* [Methodology of comparative historical study of folklore]. Leningrad: Nauka.
11. Berezkin, Yu.E. (2013) *Afrika, migrantsii, mifologiya. Arealy rasprostraneniya fol'klornykh motivov v istoricheskoy perspektive* [Africa, migration, mythology. Areas of the distribution of folklore motifs in the historical perspective]. St. Petersburg: Nauka.

Received: 26 May 2018